

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ В „ТРЕХРОГИХ“ ГОЛОВНЫХ УБОРАХ ИЗ СЕМИРЕЧЬЯ

С. М. АХИНЖАНОВ

В 1969 г. в Джамбулской области у села Майтобе, на южном берегу озера Бийликуль, найден фрагмент каменной плиты с изображением лица человека, выполненным техникой контурного резного рисунка¹. Оно было выгравировано на плоском зеленоватого цвета сланце, длиной 70, шириной 66 и толщиной 10 см.

Само лицо сохранилось хорошо. Оно круглое с большими щеками. Крупные глаза миндалевидно-овальной формы посажены близко к переносице. Нос прямой, удлинённый, с небольшим расширением к основанию. Он прорезан одной линией вместе с бровями, дугой изогнутыми над глазами. Это так называемая Т-образная прорисовка носа и бровей в едином комплексе, типичная для художественных приемов в изготовлении половецких каменных изваяний². Контуры рта прослеживаются плохо. К левому уху прикреплена серьга

¹ В настоящее время это изваяние выставлено в Государственном музее искусств Казахской ССР в г. Алма-Ате.

² Цлетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974, с. 58.

с массивными трехлопастными подвесками. Правое ухо наполовину отбито.

Самым примечательным атрибутом бийликульской личины является ее головной убор, состоящий из трех треугольников, вырезанных на плоской поверхности плиты (рис. 1). Он именуется в литературе «трехрогим» головным убором³ или «трехрогой» тиарой⁴.

Рис. 1. Бийликульская личина

прорисовки его⁵. Хотя на большинстве из указанных статуй руки, детали одежды и другие аксессуары древним ваятелем также не показаны, но на некоторых скульптурах с «трехрогой» короной обозначена верхняя одежда в виде мантии-накидки без рукавов⁶. Помимо нее на изваянии, описанном В. П. Мокрыниным, изображена гривна с подвеской в виде соединенных прямоугольника и ромба.

³ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 19; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, с. 100.

⁴ Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае. — КСИМК, вып. XXIX, 1949, с. 50.

⁵ Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 114.

⁶ Там же, с. 114; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XVI, 71.

Подобные мантии-накидки встречаются в основном как атрибут женской верхней одежды на всех изображениях, рисованных и объемных, из района Согда и Тохаристана⁷. Следует указать на бытование, возможно, близкой к ним по назначению верхней накидки в южно-русских степях у половецких женщин. Например, плечи трех явно женских изваяний, приведенных в работе С. А. Плетневой, прикрыты какой-то плотной пелериной, зубчатой по нижнему краю⁸.

Данные примеры, на наш взгляд, делают вполне доказательными утверждения В. П. Мокрынина о том, что специфические каменные изваяния Семиречья, на которых нет признаков мужского пола и оружия, но одетые в мантии-накидки или увенчанные «трехрогими» головными уборами, можно считать, женскими скульптурами⁹. Следовательно, и бийликульская личина в «трехрогом» головном уборе изображала женщину.

В таком случае отпадает необходимость искать параллели «трехрогим» головным уборам каменных изваяний Семиречья в близких, на первый взгляд, к ним по форме коронах сасанидских царей, изображенных на серебряной утвари и монетах, а также на скальных рельефах. К тому же, как уже отмечал Л. Р. Кызласов, короны, украшающие головы царствующих особ, далеко не идентичны «трехрогим» головным уборам женских каменных статуй. Они состояли не из острых треугольников, а из ступенчатых зубцов и количество их явно превышало число 3¹⁰.

Более близко по форме к «трехроговому» головному убору изображение головного убора правителя, выбитого на лицевой стороне монеты, найденной на городище Ханабат, исследуемой в городе Ташкенте. Монета датируется VIII в. и относится к редкой разновидности тюрко-согдийских монет с парным изображением правителя и правительницы. Голову правителя венчает «трехрогий» шлем, причём средний рог выше крайних, а все рога наклонены в одну сторону, хорошо заметен нащечник; на голове правительницы простоя прямоугольная корона¹¹. На реверсе монеты выбита тамга, свидетельствующая о принадлежности подобных монет тюркским правителям Шаша. Вокруг тамги согдийская надпись.

Шлем правителя по форме и своим особенностям близок головным уборам рыцарей, сражающихся между собой, изображенных

⁷ Археологические памятники Прииссыккуля, с. 115—116; Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, рис. 97—102.

⁸ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, рис. 27, табл. 77, № 1283, 1294.

⁹ Археологические памятники Прииссыккуля, с. 116.

¹⁰ Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае, с. 51.

¹¹ Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 26, рис. 9.

на блюде¹², которое считается согдийским по происхождению¹³. На концах длинных треугольных выступов боевых шлемов рыцарей имеются наверхия, лица их защищаются нащечниками. Перед нами явно защитный головной убор воинов и отождествлять его с женскими «трехрогими» шапками на изваяниях Семиречья нельзя.

«Трехрогие» головные уборы женских каменных изображений из района Чу-Таласской долины и прилегающих местностей, не несущие на себе функций, присущих коронам правителей, тем более боевых, защитных, должны иметь какое-то иное назначение. В данной связи уместно вспомнить о глиняной статуэтке в «трехрогой» короне. А. Н. Бернштам в статуэтке видел изображение согдийца, а короне на его голове придавал «магическое значение»¹⁴. Любопытен и антропоморфный сосуд, найденный на древнем городище Талгар в Алма-Атинской области. Он представлял собой кувшин с раздутым туловом. Широкая горловина и венчик кувшина сделаны в виде головы человека. Самое интересное в сосуде — венчик со сливом, изображающим трехзубчатую корону. На тулове сосуда наклеплены три крупные шишечки. Перед нами, несомненно, кувшин, имитировавший женскую фигуру, и сам сосуд использовался в определенных ритуальных целях. К. М. Байпаков датирует его IX—XI вв.¹⁵

Все сказанное, казалось бы, должно свидетельствовать о том, что обычай носить «трехрогие» головные уборы и изображение их на каменных изваяниях Семиречья могли быть заимствованы у согдийцев, тем более что покрой одежды этих каменных изваяний встречается в регионе Согда и Тохаристана. Однако в данном случае речь, скорее всего, идет о влиянии только художественных традиций согдийской школы, не характерных для тюркского искусства, о чем в свое время предполагал А. Н. Бернштам. Не отрицая воздействия художественных школ Средней Азии, которое, возможно, отразилось и на стиле изображений некоторых типов головных уборов, следует указать на то, что «трехрогие» головные уборы, имеющие определенное ритуальное значение, могли возникнуть и в среде тюрков, когда они проживали еще на Алтае и у соседних с ними народов Сибири.

На то, что «трехрогие» головные уборы являлись необходимым атрибутом одежды определенной категории женского населения древних тюрков, указывает сцена коленопреклонения, выгравированная на валуне, найденном в 1924—1925 гг. в низовьях р. Чулышман

¹² *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Спб., 1909, табл. 50.

¹³ *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971, с. 61.

¹⁴ *Бернштам А. Н.* Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины.— КСИИМК, вып. XIX, 1947, рис. 24.

¹⁵ *Байпаков К. М.* Антропоморфный сосуд из Талгара.— Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 466—467.

Рис. 2. Сцена на камне из Кудыргэ

(Восточный Алтай), в урочище Кудыргэ¹⁶. На плоскости камня изображены женщина и ребенок, сидящие в величественных позах и принимающие поклонение от трех гораздо меньших по размеру спешившихся всадников. Женщина и ребенок одеты в роскошные узорчатые халаты, длинные до пят. В ушах у них серьги с каплевидными подвесками. На голове у женщины головной убор с тремя конусовидными отростками (рис. 2).

Сцена коленопоклонения, выбитая на камне, имеет несколько интерпретаций, но в основном они сводятся к двум толкованиям. А. А. Гаврилова, развивая положение Л. П. Потапова¹⁷ считает, что в данном сюжете отражались отношения между племенами тогдашнего общества — подчинение одного племени другому.

Согласно Л. Р. Кызласову, перед нами шаманский обряд погре-

¹⁶ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник..., с. 18—21, табл. VI.

¹⁷ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, с. 92.

бения ребенка, а величественная женщина в «трехрогой» тиаре на голове общетюркская богиня Умай, входящая в триаду высших божеств тюрков. Умай — богиня плодородия, но в то же время выступает как покровительница домашнего очага и детей¹⁸. Самое большое значение Л. Р. Кызласов придает «трехроговому» головному убору. Исследователь считает, что он является непременным атрибутом богов и жрецов, т. е. служителей культа¹⁹.

И действительно тип головного убора с выступами, лучами или отростками, чаще всего в количестве 3, встречается с эпохи неолита на огромных пространствах расселения сибирских и центрально-азиатских народов. Достаточно указать на изображения антропоморфных фигур в рогатых шапках на Завальских писаницах на р. Оке, левого притока Ангары, исследованных М. Р. Полесских²⁰. Рогатые фигуры, нарисованные красной краской, были зафиксированы Ангарской экспедицией А. П. Окладникова во многих местах Восточной Сибири²¹.

В Саянском каньоне в урочище Мугур-Саргол, на левобережье Улуг-Хема в Туве М. А. Дэвлет исследовала большое количество личин-масок, выбитых на склонах. По мнению автора, это изображения не человеческих лиц, реально существовавших когда-то, а стилизованных масок. Подобные условные маски применялись в древности при исполнении шаманских ритуальных обрядов²². Среди скопированных рисунков (а их свыше 200) наиболее массовыми являются изображения личин с «антенной» в центре и двумя рогами по бокам, а также другими весьма разнообразными выступами на голове²³. Основной комплекс личин датируется бронзовым веком и связывается с окуневской культурой на Енисее²⁴. Изображения личин-масок встречаются на огромном пространстве Сибири начиная с Дальнего Востока, где на берегах Амура А. П. Окладниковым были исследованы фантастические личины в рогатых головных уборах с антеннами²⁵, имеющие значительное сходство с верхнеенисейскими²⁶. В то же время культура местных верхнеенисейских племен находилась в тесном

¹⁸ *Потапов Л. П.* Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — В кн.: Тюркологический сборник, 1972. М., 1973, с. 265—286.

¹⁹ *Кызласов Л. Р.* К истории шаманских верований на Алтае, с. 50.

²⁰ *Полесских М. Р.* Завальские писаницы. — СА, 1955, XXIII, рис. 2 (9), с. 281; рис. 3 (1, 3, 5), с. 286.

²¹ *Окладников А. П.* Древнешаманские изображения из Восточной Сибири. — СА, 1948, X, с. 220.

²² *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 6.

²³ Там же, с. 11, рис. 5; с. 12, рис. 6.

²⁴ Там же, с. 16.

²⁵ *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.

²⁶ *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема, с. 19, рис. 13.

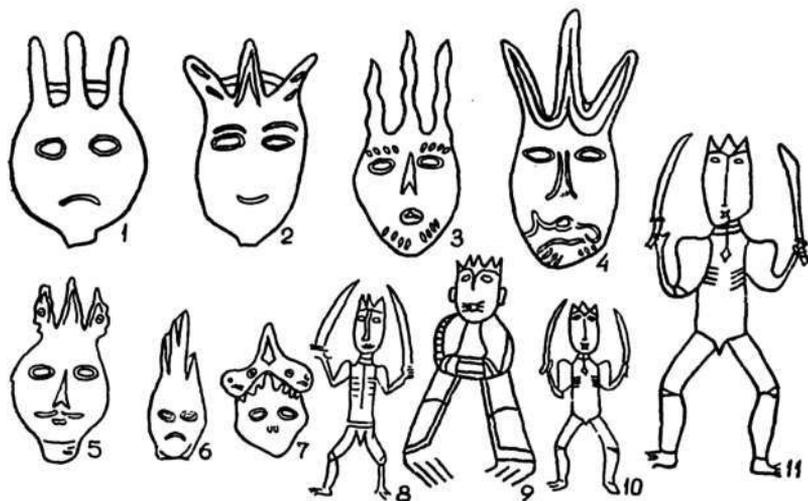

Рис. 3. Шаманские изображения древних народов севера евразийской части СССР: 1—7 — рогатые личины из Таллинского музея; 8—11 — резные шаманские рисунки на серебряной посуде из кладов

взаимоотношении и с культурами племен более западных областей древнего мира и проецируется в более позднее время. В районе Томска на поселении Самусь IV на глиняных сосудах прочерчены рисунки человеческих лиц в рогатых головных уборах²⁷.

В историческом музее Эстонии (г. Таллин) хранится интересная коллекция из десяти бронзовых личин, найденных в северных районах европейской части СССР. На всех личинах, имеющих округлую или слегка вытянутую форму, изображены «три выступа в виде зубцов короны»²⁸. Личины плоские и отлиты каждая в односторонней литейной форме (рис. 3, 1—7). Следует отметить, что среди десяти личин у одной изображен только один рог, а у другой четыре рога.

Человекоподобные существа в зубчатых головных уборах или маски в рогатых навершиях широко представлены в изобразительном искусстве в основном древнесибирских народов и жителей северной зоны европейской части СССР. Разумеется, их значение на разных территориях и в разные исторические эпохи не было однозначным. Но то, что они почти всегда выполняли религиозные функции, не вызывает сомнения.

²⁷ Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV. — СА, 1961, № 4, с. 266—269.

²⁸ Розенфельд Р. Л. Забытая коллекция бронзовых антропоморфных изображений. — СА, 1974, № 3, с. 191, рис. 1.

Показательны в этом отношении и изображения фигурок людей, вырезанные ножом поверх основных композиций на серебряных сосудах восточного происхождения (преимущественно иранского и среднеазиатского) из многочисленных кладов серебряной утвари северного Приуралья и Приобья. По мнению ряда исследователей, сама серебряная посуда служила предметом культа²⁹. Еще большее значение придавалось ей, если на ней были врезные рисунки. Сейчас известно 18 сосудов с процарапанными на них рисунками. Первым обратил на них внимание А. А. Спицын, считавший их культовыми изображениями, причем главной особенностью изображаемых людей считал их головы «в три высокие темени», для обозначения особого дарования или силы³⁰.

Современный исследователь этих рисунков В. Ю. Лещенко, подробно изучив их семантику, разделил рисунки на типы по иконографии и разбил на хронологические группы. Центральное место на выгравированных рисунках занимают, по его мнению, человеческие фигурки в «трехрогих» головных уборах. Они показаны в фас, ноги слегка согнуты в коленях или прямые с расставленными в стороны ступнями, руки согнуты в локтях и подняты вверх на уровне плеч, в руках сабли. Второй тип изображает людей в рогатых головных уборах, но без оружия, руки спрятаны в «муфту» или опущены вниз³¹. Вооруженные фигуры в рогатых головных уборах показаны с подчеркнутым признаком мужского пола (рис. 3, 8—11). По изображениям сабель В. Ю. Лещенко датирует их IX—X вв.³²

По иконографии к врезным фигурам весьма близки три фигуры, рельефно выдавленные на бронзовой дисковидной бляхе, найденной в Приобье, хранящейся в Тобольском музее³³. Они также стоят в воинственной позе, в руках сабли в виде широких ножей с короткими эфесами. На них нанесены пояса в виде цепочки прямоугольников, на головах «трехрогие» короны, прочерченные двойным контуром (рис. 4, 1).

Самой существенной деталью всех описанных изображений являются головные уборы с тремя, реже — с одним и еще реже — с четырьмя и более выступами.

²⁹ Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. — «Труды Института этнографии. Новая серия», 1947, № 1, с. 125.

³⁰ Спицын А. А. Шаманские изображения. — «Записки Отделения русской и славянской археологии», т. VIII, вып. 1, 1906, с. 31.

³¹ Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале. — В кн.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. Приложение II, с. 176—177, рис. 19—23, 25—29, 31.

³² Там же, с. 179, 180.

³³ Спицын А. А. Шаманские изображения, рис. 4; Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. нашей эры. — МИА, № 58, 1957, с. 189, табл. 22.

Все приведенные изображения обнаруживают связь с этнографическими данными. Зародившись на ранней стадии человеческого развития, в бронзовом веке, а возможно и раньше, культовые «трехрогие» головные уборы бытовали среди народов Сибири длительное время. «Рогатая» шаманская шапка являлась необходимым атрибутом шаманского костюма почти всех народов Сибири. Об этом гово-

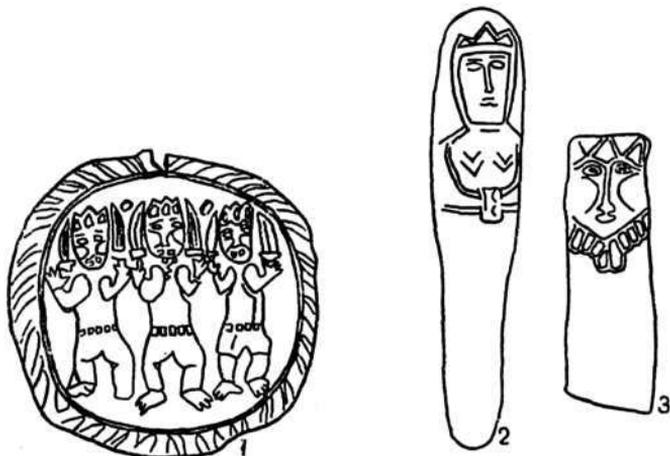

Рис. 4. Изображение людей в «трехрогих» коронах: 1 — бронзовая бляха из Приобья; 2 — миниатюрное изображение женщины из Тюменского музея; 3 — каменное изваяние с оз. Сон-Куль

рят этнографические материалы хантов, манси, эвенков, якутов, удэгейцев, кумандинцев, шорцев, тувинцев, бурят и т. д.³⁴ Треугольные отростки на головах шаманских личин изображали не только настоящие рога, но и мягкую шапку, украшенную перьями птиц, орла, филина или совы³⁵. Такие шаманские шапки были присущи казахским «баксы»³⁶ и тувинским шаманам³⁷.

«Трехрогие» головные уборы на врезных фигурах свидетельствуют о шаманской принадлежности, а их позы говорят об исполнении ими ритуального шаманского танца или камлания. Фигуры с саблями в руках могут служить иллюстрацией к письменному сообщению

³⁴ Прокофьев Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири. — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XXVII, 1971.

³⁵ Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема, с. 20, рис. 14; с. 21, рис. 15.

³⁶ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 352.

³⁷ Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. М., 1964, с. 3—5.

Моисея Каганкатваца о том, что тюркское племя савиров в 80-х годах VII в. «приносили жертву огню и воде..., поклонялись воде и всем творениям и устраивали дикие пляски и битвы на мечах в нагом состоянии»³⁸.

В какой же связи находятся фигуры шаманов на серебряной утвари, найденной в кладках на Севере, и каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах из Семиречья? Очевидно, эти изваяния

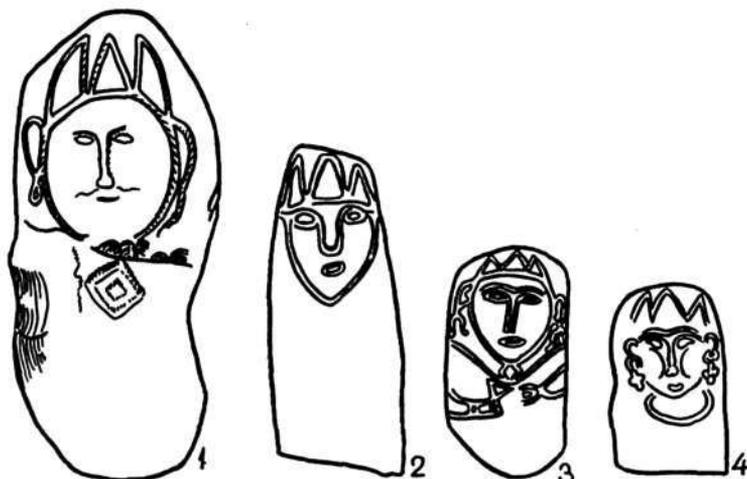

Рис. 5. Каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах из Киргизии

также должны были изображать представителей культа тех племен, у которых в обычае было воздвижение каменных статуй. Зная, что каменные бабы в Семиречье принадлежали тюркскому этническому миру в широком смысле этого слова, мы можем предположить, что обычай изображать шаманские головные уборы на некоторых изваяниях был принесен в Семиречье вместе с приходом сюда тюркских племен с Алтая. Сам же художественный прием в изображении «трехрогих» головных уборов именно в виде треугольников мог быть и заимствован в художественной школе среднеазиатских народов. Этот прием прорисовки наверший шапок в виде треугольников проник не только в Семиречье, но и в среду древнего населения Приобья, куда в основном и поступало восточное серебро из Средней Азии. Такие «трехрогие» тиары мы видим на головах шаманов, вырезанных на серебряных блюдах из кладов.

³⁸ История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в. Спб., 1861, с. 193.

«Трехрогие» уборы на головах воинственных фигур на бронзовой бляхе (рис. 4, 1) по манере своего исполнения также находят точную копию в «трехрогих» коронах каменных изваяний Семиречья. Даже в стиле изображения черт лица имеются близкие параллели. Это особенно видно при сравнении их с изваянием, найденным на восточном берегу озера Сон-Куль (рис. 4, 3). Подчеркнутая «мясистость» щек, одинаковая техника исполнения в прорисовке головных уборов, одинаковый способ нанесения формы пояса у фигур с саблями и «воротника» на статуе в виде отдельных прямоугольников не могут не бросаться в глаза. Сходство между ними настолько велико, что напрашивается мысль о прямой семантической связи между ними, несмотря на огромное расстояние, разделяющее их.

На груди некоторых врезных фигурок шаманов на серебряных блюдах вырезаны подвески ромбовидной формы (рис. 3, 8, 10, 11), висащие на шнурах. Подобные украшения типа ромбов являются частым атрибутом изваяний Восточного Казахстана II типа, датируемых исследователями IX—X вв.³⁹ Нередки они и на статуях из Семиречья, встречаются и на каменных изваяниях с «трехрогим» головным убором⁴⁰ (рис. 5, 1, 3). Довольно часто представлены ромбовидные украшения и среди регалий половецких каменных баб, преимущественно женских⁴¹.

По аналогии с врезными фигурами шаманов, датируемых IX—X вв., каменные статуи людей в «трехрогих» головных уборах из Семиречья, а среди них и бийликульскую «личину», следует датировать не позже X в. Этому не противоречат и иконографические и конструктивные особенности изваяний данного типа. Для них характерны обобщения форм как в изображении одежды, так и силуэта в целом: они стеловидные. Более или менее тщательно обработана лишь голова. В изображении лица и реалий применяется в основном линейно-контурная техника. На многих из них не показаны руки, сосуды, оружие, украшения. Для каменных баб Восточного Казахстана, также датируемых IX—X вв., характерны высокие конусообразные шапки, которые, вероятно, могут быть разновидностью головных уборов на каменных статуях Семиречья.

Верхней датой для изваяний в «трехрогих» головных уборах можно считать X в., так как укрепляющиеся позиции ислама в Семиречье, особенно с расцветом в данном районе государства Караханидов, не способствовали бытованию в дальнейшем каменных изобра-

³⁹ Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. — СА, 1976, № 4, с. 158, рис. 6 (8), рис. 7 (12), рис. 9 (6).

⁴⁰ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XIX, 83; XXI, 97 и т. д.

⁴¹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 13 (58), 31 (274), 44 (681), 49 (808) и т. д.

жений людей. Нижнюю, возможную, дату их появления можно опустить до VII—VIII вв., имея в виду, что изображение женщины-шаманки на камне в урочище Кудыргэ датируется первой четвертью VII в. Но в основном этот тип изваяний следует считать типичным для IX—X вв.

К какому конкретному тюркскому этническому коллективу можно отнести изваяния в «трехрогих» головных уборах из Семи-речья?

Сначала следует ответить на два вопроса. Какой этнополитический коллектив в IX—X вв. мог вступать в тесные контакты и на юге и на севере своего ареала? У какого племени женский образ играл довольно существенную роль в их религиозных представлениях, поскольку чуть ли не одна треть⁴² каменных изваяний изображала женщин?

Историческая обстановка на территории Казахстана конца I тыс. н. э. позволяет сделать вывод, что каменные изваяния в «трехрогих» головных уборах водружались племенами, входившими в кимако-кипчакское политическое объединение, сложившееся к тому времени в Восточном Казахстане с центром на Иртыше. Хотя Семи-речье никогда не считалось этнической территорией племен, входящих в кимако-кипчакское объединение, у восточных авторов можно найти сведения о пребывании здесь в различное время некоторой части кимако-кипчакских племен. Так, опираясь на данные восточных источников, Б. Е. Кумекоев обосновал предположение, что в начале IX в. отдельные группы кимаков проникли на территорию Северо-Восточного Семиречья и даже расселились в Илийской долине⁴³. Имеются также сведения о соседстве кимаков с какой-то группой киргизов, поселившихся в тот период на Тянь-Шане⁴⁴.

Конечно, кимако-кипчакские племена на территории Семиречья жили не компактной массой, а вперемишью с другими племенами, в частности с карлуками, с которыми им приходилось не раз сталкиваться. О подчинении карлукского племени алка-булак кипчакам сообщает Махмуд Кашгарский. «Булак — тюркское племя. Они бы-

⁴² Хотя Я. А. Шер в своей монографии бесспорно женскими скульптурами признавал только 11 статуй из 145 изученных, В. П. Мокрынин считает, что многие «бесполое» скульптуры, а их насчитывается до 30% от общего числа, могли быть женскими. (См.: Археологические памятники Прииссыккуля, с. 113). А. А. Чариков предполагает, что среди восточноказахстанских каменных изваяний, относимых им к кимакам, входящих во II группу (IX—X вв.), 50% изображают женщин. (См.: Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана, с. 160).

⁴³ Кумекоев Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 54—56.

⁴⁴ Там же, с. 66—67.

ли в подчинении у кипчаков, но затем спаслись»⁴⁵. Согласно Кашгарскому, «Кенджак Сангир — город вблизи Тараза. Эта пограничная крепость кипчаков»⁴⁶, т. е. кипчаки обитали на территории современной Джамбулской области.

В источниках встречается термин «каркаралинские кипчаки», из рядов которых, по преданию, происходил Манас, герой киргизского эпоса. Они, согласно легенде, проживали в Кара-Кишлаке и в верховьях Таласа⁴⁷. В. А. Ромодин считает возможным локализовать топоним Каракала «у киргизов в районе озера Иссык-Куль», где и проходили киргизско-кипчакские контакты⁴⁸. Можно было бы привести еще ряд подобных свидетельств о проживании отдельных группировок кимако-кипчакских племен на рубеже I и II тыс. н. э. в районе Семиречья. Они проживали в этих местах довольно разбросанно, на что и указывает сравнительная редкость нахождения каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах.

Возможно, также от племен кимако-кипчакской группировки были заимствованы изображения «трехрогих» шапок на врезных рисунках, встречаемых в таежной полосе Западной Сибири и Северного Урала, именно в том же стиле, что и на каменных изваяниях. Мы специально обращаем внимание на общий стиль в показе их головных уборов, ибо в других областях манера изображения шаманских шапок с тремя выступами, судя по бронзовым личинам из Таллинского музея (см. рис. 3), совершенно другая.

По сообщениям письменных источников, северные пределы страны кимаков доходили до «необитаемых стран севера», так назывались таежные пространства Северной Азии. Материалы археологических исследований последних лет и, в частности, определение этнической принадлежности племен сrostкинской культуры IX—X вв. как кимако-кипчакской в широком значении термина⁴⁹, позволяют расширить территорию проникновения части кимако-кипчакских племен до среднего течения Оби, считая, что ранний комплекс Басандайки близок сrostкинской культуре⁵⁰. Видимо, по линии Омск — Новоси-

⁴⁵ Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Тошкент, 1960, т. I, с. 360.

⁴⁶ Там же, т. I, с. 444.

⁴⁷ См. примечание В. А. Ромодина к статье В. В. Бартольда «Киргизы». — В кн.: Бартольд В. В. Соч. Т. II, ч. I, с. 541, сноска 55.

⁴⁸ Ромодин В. А. Контакты киргизов с другими народами в свете ранних записей эпоса «Манас». — Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, с. 91.

⁴⁹ Савинов Д. Г. К этнической принадлежности сrostкинской культуры. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973, с. 189—192.

⁵⁰ Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—X вв. по данным археологических источников. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 103.

бирск — Томск проходила граница между кимако-кипчакскими племенами и более северными этнолингвистическими группами⁵¹. В тюменском музее хранится миниатюрный удлинённый камень, на котором изображена женщина с сосудом в обеих руках и в «трехрогом» головном уборе⁵² (см. рис. 4, 2).

Находясь в непосредственной близости к жителям таежных зон, кимаки чаще других вступали с ними в торговые отношения в форме натурального обмена. Ал-Марвази писал: «Правее этих кимаков [живут] три народа, поклоняющиеся огню и воде. Они [кимаки] торгуют с чужеземцами и объясняются с ними при помощи знаков... Чужеземец лишь кладет свой товар на бревно, приходит кимак и кладет напротив товара [вещь] для обмена... Чаще всего они [чужеземцы] просят кубки из красной меди»⁵³. Это один из возможных путей поступления металлической утвари жителям Приобья. При обычной ориентации с севера на юг, принятой в арабской географической литературе, «правая» сторона будет означать запад, т. е. племена «чужеземцев», живущих правее кимаков, должны были населять Приобскую низменность до Урала и относиться, скорее всего, к угорским народам. В «Истории» Мубаракшаха при описании идентичного немого обмена конкретно называется местность, где проживали «чужеземцы». Она называлась «лесом Лаура»⁵⁴. В «ал-Канун ал-Масуди» Бируни эта же местность именовалась «лесом Юра»⁵⁵. Юра — это угры, проживавшие в бассейне Оби и далее к северо-западу, где в основном и встречаются шаманские фигурки в «трехрогих» головных уборах. Вероятно, стилистические особенности изображаемых на их головах «рогатых» шапок жители Западной Сибири заимствовали через кимаков.

Переходя ко второму вопросу, вспомним, что у западной ветви кипчаков — половцев южнорусских степей — существовал культ предков по женской линии, что нашло свое отражение в массовом сооружении женских статуй, количество которых доходит до половины от общего количества выявленных изваяний. Такой обычай свидетельствует о большой роли, которую играли женщины в половецком в целом патриархальном обществе. Однако обычай почитать женский образ, как и обычай ставить памятник умершему предку, не мог сразу возникнуть у половцев на их новой родине, а был выне-

⁵¹ Там же, с. 102—103.

⁵² Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, с. 61, рис. 18.

⁵³ Храковский В. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. — Труды сектора востоковедения АН КазССР, т. I. Алма-Ата, 1959, с. 214.

⁵⁴ Умяков И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. — ВДИ, 1938, № 1(2), с. 111.

⁵⁵ Там же.

сен, конечно, из старых мест их проживания, из кимако-кипчакской среды. Каменные изваяния Семиречья в «трехрогих» головных уборах, будучи только женскими, могли сооружаться племенами входящими в кимако-кипчакскую группировку, ибо только у кимаков в тот период прослеживаются пережитки матриархата в общественном устройстве. Сохранение определенных норм матриархальных отношений среди половцев было выявлено исследованиями С. А. Плетневой, Г. А. Федорова-Давыдова и др., а о подобных пережитках у самих кимаков свидетельствует, на наш взгляд, следующее предание, сохранившееся у автора XI в. Гардизи. У него сказано: «Шад (предводитель кимаков. — С. А.) однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: Шад, видел ли ты меня в воде? Шад ничего не увидел, кроме волоса, плавающего на поверхности воды! Он... вошел в воду и схватил волос. Оказалось, что это была его жена Хатун. Он спросил ее: Как ты упала? Она ответила: Крокодил (неханг, дракон) схватил меня с берега реки. Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков»⁵⁶.

Почитание реки, а также ее духов в виде голоса из воды, водяного дракона является одним из доказательств бытования шаманизма как формы религии в среде кимаков. Поклонялись они именно духам нижнего мира, которые всегда выражаются в женском образе. Река, водяной дракон, сама женщина как созидательница и мать человечества являются однозначными символами божества нижнего мира, плодородия и всего сущего на земле.

Подобные представления кимаков, поклоняющихся женским духам, несомненно, являются отражением существования в их среде значительных пережитков матриархата, одним из проявлений которых и был обычай сооружать каменные изваяния в честь почитаемого предка по женской линии. Некоторые немногочисленные типы изваяний в «трехрогих» головных уборах можно считать изображениями шаманок, о чем свидетельствуют водруженные на их голову «рогатые» навершия. Возможно, такие статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание культа предка по женской линии и изображение шаманок, которым поклонялись племена кимако-кипчакской группировки.

⁵⁶ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. — ЗИАН СИФ, сер. VIII, т. I. Спб., 1897, № 4, с. 106.

